

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
ЛЗЗ

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Алена Геласимова*

Лебедева В.

ЛЗЗ   Как он будет есть черешню? : [сборник]. — М.: ИД «Городец», 2020. — 384 с. — (Серия «Ковчег»).

Что чувствуют родители, когда их детям грозит суд? Что чувствуют дети, когда родители уходят? Почему вдруг возникает ненависть между любящими сестрами и сколько лет требуется для примирения? И самый важный вопрос — возможно ли простому человеку прожить вне политики и госструктуры и сохранить внутреннюю свободу? Обязательно ли для этого менять страну?

На эти и другие вопросы автор пытается ответить хотя бы себе в повести «Как он будет есть черешню?» и романе «Без труб и барабанов».

ISBN 978-5-907085-90-9

© В. Лебедева, 2020
© ИД «Городец», 2020
© А. Геласимова,
оформление, 2020

КАК ОН БУДЕТ ЕСТЬ ЧЕРЕШНЮ?

Повесть

Я наткнулась на этот пост утром, собираясь перейти от омета к кофе.

Виртуальная подруга из Новосибирска писала под заголовком «Все-все-все! Новый вариант телефонной разводки!!!»

Ей позвонили в половине третьего ночи и строгим официальным голосом проинформировали, что ее несовершеннолетний сын задержан по статье 228.1 УК РФ, незаконный сбыт наркотических веществ, и сейчас находится в районном отделении полиции. А у нее и правда несовершеннолетний сын, ему пятнадцать, и в эту ночь его не было дома, потому что вечером он поехал к деду отвозить лекарство и остался ночевать там.

Она поэтому даже имя не спросила сначала, эта моя виртуальная знакомая, а сразу и безоговорочно поверила голосу в телефоне — не потому, что не доверяла собственному ребенку (хотя и это, наверное, тоже), а просто решила, что вдруг это какое-то недоразумение, из-за лекарства, у деда ведь рак, и мальчик вез две упаковки «Трамадола», — она поверила и стала оправдываться, лепетала что-то, с перепугу назвала имя сына, — и только тогда заподозрила неладное, когда строгий голос, после паузы, вкрадчиво назвал ей сумму, которая избавит мальчика от уголовного дела.

Просили сто пятьдесят — и для той знакомой деньги были неподъемные (хотя для многих они, наверное, тьфу). Тогда, просто от страха — за ребенка, за себя, за все вот это, — и потому, что

у нее столько нету и никогда, пожалуй, не будет, у новосибирской подружки заработала логика. Она спросила номер отделения, где находится мальчик. Ей сказали вместо ответа: если готовы платить, мы сейчас сами подъедем, вас не должны там видеть; хотите замять, говорите адрес... Тут она еще сильнее насторожилась — если Сережка с ними, что же он, адреса не назвал? Или он нарочно не говорит, от страха? Тоже бред, он же с паспортом, там написано все — фамилия, регистрация... Это все она очень быстро подумала, «за секунду в голове пронеслось», по ее словам. И тогда она сказала, что ей нужно время все осмыслить и посчитать деньги, и попросила перезвонить через полчаса. А сама, конечно, стала дозваниваться своему отцу (деду мальчика то есть).

Они не сразу взяли трубку на том конце провода, папа и сын, и у нее чуть сердце не остановилось. Она так и писала в своем посте: «У меня чуть сердце не остановилось, верите?!» А когда все-таки взяли, выяснилось, что Сережка спокойно спал в квартире у деда — на диване в большой комнате. Да так крепко, что даже телефона не услышал, — это уж дед до него докричался, чтобы он в коридор вышел и трубку наконец поднял, а то у деда ноги едва ходят.

«Ты что, мам, какие наркотики? — говорил ей сын медленным со сна голосом. — Что я, лох?» Он говорил, а она плакала. Опустилась прямо на пол, там, где стояла, и рыдала. И не могла остановиться. Она так и писала, эта моя знакомая, про лоха, про «рыдала, не могла остановиться», только без запятых и с опечатками, от волнения, наверное... Она писала, и поскольку другой часовой пояс и новосибирский пост уже несколько часов висел в фейсбуке, то под ним собралось изрядно комментариев и они все прибывали.

«А что, сыну на мобильный позвонить было нельзя?» — интересовались те, кто привык мыслить здраво в любых обстоятельствах.

«Так не брал!!!» — восклицала моя сетевая подружка. Ее мальчик и в самом деле был не лох — он на ночь звук вырубил, чтобы ему

всякая ерунда на смартфон не падала из соцсетей. Чтобы спать не мешали. И дальше в обсуждении шла большая такая ветка комментариев на тему ночных оповещений на смартфоны и айфоны, не относящаяся к делу.

По воспитанию тоже потоптались от души: молодежь, мол, пошла — оторви и брось, и в кого они только, и мы-то в их возрасте, и далее везде. Нашли подходящий случай. Молодцы!

Еще было много всяких «О господи!» и «Какой ужас!». И разные другие примеры телефонного разводилова: кому-то звонили, будто их родственник человека сбил на машине и нужно срочно доставить такую-то сумму в такое-то место или на карту перевести, кому-то приходили эсмэски «Мама, у меня проблемы, срочно кинь денег на телефон», у одного мужика в Подмоскovie и вовсе угнали скутер от магазина, со всеми документами в ящике под сиденьем, а потом ему же названивали и предлагали вернуть за двадцатку. Там много чего было, тоже огромная ветка комментариев, и новые булькалы, булькалы, булькалы, поскольку очень актуальная тема, я понимаю, — я не стала это все читать.

Мой кофе остыл и подернулся радужной пленочкой, а я все перечитывала этот пост из Новосибирска, по кругу, и никак не могла остановиться — прямо заклинило.

«В этот день я едва не поседела!!!» — писала моя виртуальная подруга. «БЕРЕГИТЕ СВОИХ БЛИЗКИХ!!!» — писала она. Капслоком, потому что это правда важно для нее было после пережитого стресса... То есть это всегда важно, но в такие дни — важно ИМЕННО КАПСЛОКОМ.

Муж заглянул на кухню, поинтересовался, что это я залипла, когда у него рубашка не глажена, и я услышала лишь с третьего раза, но объяснить не стала: не надо ему этого, у него сегодня и так день тяжелый... Он только плечами пожал и ушел собираться на работу, из комнаты через некоторое время донеслось шипение утюга, а я все сидела, глядя в экранчик смартфона. Мне тоже хотелось оставить комментарий, очень. Но какой?

В горле застрял нервный смешок да так и стоял там, не давая нормально дышать, а за грудиной ощущалась тяжесть и холод... не как тогда, конечно, но все равно. Может быть, написать так: «Звонок — это еще что! Вот представьте, если бы вам в дверь правда позвонили полицейские. Вы бы им открыли, а с ними правда ваш мальчик, который попался на наркотиках». Бред. Не поймут. К тому же это слишком длинно для коммента. И как-то даже отдает провокацией, как будто я издеваюсь. Но я не издеваюсь.

Написать: «Бывает и похуже, молодые дураки часто вляпываются бог знает куда из самых добрых намерений»?.. Тоже неоптимистично как-то, и не все молодые — дураки, у этой подруги, судя по всему, мальчик — приятное исключение...

Так я промучилась еще минут пятнадцать, машинально прокручивая ленту вверх-вниз, со всеми этими котиками, выборами, самопрезентацией, селфи на фоне достопримечательностей, анонсами и войной, но все равно возвращалась к тому посту, ничего не могла с собой поделать... возвращалась и в итоге написала единственное, что наконец-то сочла уместным: «Хорошо, что все обошлось».

И почти мгновенно мне прилетел благодарный лайк из Новосибирска.

Глава 1

Приговор объявлен.

Мы недружно поднимаемся с мест, судья схлопывает свою папку, я тоже встаю, пытаюсь разогнуться... потом пробел, монтажная склейка, перед глазами белый потолок.

Стык между белым потолком и желтой стеной тянется наискосок, поперек кадра. Если поднять взгляд выше, можно увидеть помаргивающие лампы дневного света в квадрате люстры. Белый потолок расчерчен на квадраты. А с этими лампами что-то не так. Мечется лихорадочная мысль: что? что?! Лампы моргают, моргают, моргают... звук! Ну конечно! Лампы моргают, но не жужжат, я существую в полной тишине, она воспринимается как мягкая обволакивающая субстанция, лампы моргают, моргают, и тут надо мной всплывает перевернутое лицо мужа. Он открывает рот и что-то говорит, он напуган, я ничего не слышу, лампы моргают, интересно, зачем днем лампы? В зале и так достаточно светло, утро, солнце из окна бьет прямо в глаза, я жмурюсь и отворачиваюсь — почему-то очень медленно, — и вижу перед собой ноги в черных эластичных колготках. Ноги начинаются из черных кожаных туфель на аккуратном ортопедическом

каблукке, тянутся вверх и скрываются под подолом строгой черной же юбки. Ноги стоят на линолеуме. Он желтый, но не такой, как стены, а гораздо темнее, он исчерчен множеством подошв, на нем темные полосы, рытвины какие-то, пыль... Солнце падает так, что ее очень хорошо видно: пылью подернута вся поверхность пола, насколько хватает взгляда. Я смаргиваю — и только тогда начинается звук.

— ...же вы, мамочка, все уже кончилось! — говорит строгий голос где-то высоко-высоко надо головой, там, где лампы не жужжат, вернее, нет, неправильно, они уже; этот голос и эти ноги — они определенно связаны между собой.

— Лена, что?! — Муж перекрикивает все остальные вернувшиеся ко мне звуки.

Стремительная внешняя сила подхватывает меня под мышки, и мир совершает обратный переворот, становясь на место, резкая боль бьет в поясницу, и я повисаю на руках у мужа, упираюсь ухом ему в грудь. У него за грудиной гулко бухает с бешеной скоростью — он очень напуган, но все равно удерживает меня в вертикальном положении.

— Что же вы, мамочка, — повторяет женский голос у меня за спиной. — Ну нельзя же так! Всё позади!

Я медленно, стараясь обмануть боль, оборачиваюсь и вижу Ваньку.

Он стоит где стоял, с глупым лицом — растерянным и виноватым, и трет переносицу указательным пальцем. Очки от этого, разумеется, набок. Ну и вид у него сейчас! Ванька всегда так делает, если растерялся или задумался, — трет переносицу. Когда он снимает очки, взгляд у него потерянный — как, наверное, у всех очень близоруких людей... он сейчас не смотрит на меня, старается не смотреть, он смотрит в пол, трет переносицу, и щеки у него горят. Какой же он еще маленький, проносится мысль. Маленький и глупый. Ванька. Иванушка-дурачок. Глупый. Глупый и добрый...

Голова потихоньку приходит в порядок, и я уже относительно нормально стою сама, хотя на копчик как будто кирпич привесили.

— Андрей, все хорошо. Я в порядке! — это мужу, на нем лица нет.

Перевожу глаза на судью.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что ей всего-то лет тридцать, ну тридцать пять максимум, а за своим столом, вся в черном и строгом, с моего свидетельского места на другом конце зала она выглядела ухоженной сорокапятилетней. У судьи озадаченный и немного сонный взгляд. Ресницы обозначены тушью так густо и загибаются на кончиках так лихо, что я невольно думаю: а детей-то у нее, пожалуй, нет.

Судья спрашивает — дежурно и участливо:

— Вы в порядке?

Я киваю.

Я ей благодарна, очень-очень.

У меня «выпадает» позвонок. Это еще с юности, после травмы на тренировке по лыжам. Вроде он ничего-ничего, но никогда не знаешь, в какой момент его переклинит, — и это проблема. А если понервничать хорошенько, то сам бог велел, чтобы переклинило. Так что я с самого начала этой истории почти не человек. Уже три курса лекарств проколола за два месяца, но без толку. Только станет чуть-чуть полегче — и всё обратно. На объявлении приговора я поэтому сидела не шевелясь, с прямой спиной, как балерина какая-нибудь. Муж говорит, когда меня так переклинивает, то у меня сразу становится жутко независимый и надменный вид — и сегодня это было некстати, но что ж поделаешь, не прийти я не могла.

Мы выехали из дому чуть не за три часа, Андрей и Ванька вели меня под руки по шажочку — сперва до автобуса, потом от. Вертушки на входе в общественный транспорт придумал какой-то враг всего живого — вот о чем думала я, пока ехала в автобусе

в суд, просто чтобы не думать о том, что с нами будет. Позже. Через три часа. Ванька пытался шутить, но у него не получалось: все, что бы он ни сказал, звучало зловеще, даже самая безобидная ерунда, в каждом слове мерещился какой-нибудь недобрый знак.

Судья небось подумала, что это у меня обморок от нервов. Нет. Хотя пусть думает. Так даже лучше, наверное. Судьям, когда они судят, неплохо бы помнить, что перед ними люди... хотя зря я, нам попалась хорошая, повезло. А это никакой был не обморок от нервов, а просто болевой шок. Утром Андрей обколол меня обезболивающими, и я как-то держалась, а потом их действие кончилось — вот и грохнулась. Не первый раз, бывает.

— Прости, мам... — Ванька наконец подходит ко мне, но обнять боится. Щеки у него такие красные, что, кажется, я чувствую идущую от них волну жара.

Мы трое стоим, загородив проход, и все вежливо ждут, пока мы сдвинемся, но, поскольку я уже на ногах и проявляю признаки осмысленности и способности к перемещению в пространстве, люди вокруг начинают нетерпеливо переминыться. Особенно наш прокурор. Махонький такой пацанчик — Ваньке, может, по плечо, смешной до ужаса. У него круглые гладкие щеки, яркосиний костюмчик, по нынешней моде брючки узкие — туго обтягивают великоватую попу, наетую в фастфудах, а рубашка сиреневая (не сказать розовая), и под лацканы спускается тонкий яркий галстук. Мальчик-прокурор острижен коротко-коротко, и под жидкими белесыми волосами проступает нежная розовая кожа. Еще десять минут назад он не казался мне смешным, этот мальчик. Он чеканил слова и просил для Ваньки шесть лет лишения свободы. Я последний раз мельком смотрю на смешного мальчика и отвожу глаза, чтобы ненароком не пожелать ему в сердцах чего-нибудь плохого, за что потом мне будет стыдно.

— Андрей, пойдете, мы тут всем мешаем, — тихо прошу я мужа, и он наконец-то снимается с паузы. Делает несколько ненужных суетливых движений. Бормочет «конечно-конечно».

Наконец муж и Ванька, приноровившись, подхватывают меня под руки, и мы медленно выползаем из зала суда в сумрачный прохладный коридор, и только тут, когда никто чужой больше на меня не смотрит, по щекам начинают течь слезы.

Прежде чем выйти на улицу — туда, где яркое солнце и звенящая ясность в воздухе, — нужно подрисовать лицо. Меня целую вечность ведут в дальний закут коридора и ставят перед дверью женского туалета. Дальше придется самой. Я вползаю по стеночке, хватаюсь сначала за сушилку (она немедленно начинает выть), потом за раковину, повисаю на обеих руках. Голова до сих пор немного кружится, а руки ватные.

Из зеркала на меня смотрит перепуганная тетка с лицом цвета бледной поганки — или это так отсвечивает? Кафель тут новенький, ладно пригнанный — и как раз зеленый. Беленькие раковины, сенсорные краны, жидкое мыло в хромированных колбах на стене — как где-нибудь в Европе. Европа на ближайшие пять лет Ваньке заказана. Да и не-Европа тоже.

Я думаю об этом равнодушно, не испытываю даже малюсенькой досады. Главное — *не закрыли*. Илья Валерьевич говорил — для этого нужно чудо. Вот, у нас сегодня чудо.

Там, в зеркале, бледная тетка опять начинает плакать, я подставляю ладонь под сенсорный кран, ловлю в пригоршню воду и брызгаю тетке в лицо. Вода ледяная, у нее хлорный химический запах. Она течет по бровям, по подбородку, затекает за ворот платья... Я сегодня надела свое самое новое платье, которое в начале лета покупала специально, чтобы идти к Ваньке на выпускной, — такое ощущение, что это было сто лет назад. Или даже двести. Холодная вода окончательно приводит меня в чувство, да и спину, кажется, отпускает постепенно.

Хватит прохладжаться. Надо найти Илью Валерьевича, если он еще не убежал, и расспросить, что нам теперь делать. Что вообще значит эта наша условная судимость и чем грозит. Два

месяца я не думала о будущем — просто не могла. А теперь — чудо. Теперь — можно.

Вытираю лицо, припудриваю зеленые щеки, подвожу глаза, обратным порядком возвращаюсь в коридор. Раковина, сушилка (сушилка воет), стена, дверь. Внимание, я выхожу!

И под дверью застаю мирную картину. Муж и Ванька возятся посреди коридора и смеются. Андрей обхватил Ваньку за шею, притянул к себе и не отпускает, а Ванька смешно переступает худыми ногами, танцуя вокруг отца, бессильный ослабить хватку.

— Ну па-ап! — хрипит Ванька у Андрея из-под мышки. — Ну так нечестно!

Вместо ответа Андрей щелкает сына по лбу — раз, другой, третий.

— Ну па-ап!!!

Интересно, а в университет можно с условной уголовной судимостью?

То есть в этом году точно пролетели уже, сентябрь на дворе, но вот на следующий? Надо бы спросить у Ильи Валерьевича.

Тот, легок на помине, сидит метрах в пяти дальше по коридору и сосредоточенно перебирает какие-то свои бумажки. Повезло нам с адвокатом, хоть мы его специально не искали. Он, кстати, еще эту защищал... одну писательницу известную, поэтессу точнее, тоже по наркотикам... фамилию забыла. Вот, теперь можно хвастать, что у нас адвокат как у... да что ж с памятью такое?! Только утром фамилию помнила, а сейчас из головы вон.

Илья Валерьевич перебирает документы, а мои мальчишки возятся как ни в чем не бывало, меня не замечают. Я наблюдаю за ними, и мне тоже становится весело.

«Что было, то было. Бог с ним», — так я думаю. Потом думаю, как в книжке, что «подумаю об этом завтра».

Тут Андрей и Ванька одновременно поворачиваются в мою сторону, расцепляются и подсакивают — запыхавшиеся и абсолютно счастливые. Обнимают с двух сторон и осторожно ведут

по коридору в сторону Ильи Валерьевича, который тоже замечает нас и поднимается с места.

— Ну что, орел? — спрашивает он Ваньку и, не дождавшись ответа, говорит уже нам: — Поздравляю. Это победа. И даже не представляете какая! На моей памяти по такой статье да с такими обстоятельствами ни один условным сроком не отделался...

Дальше он опять объясняет про чудо, говорит, что мы с Андреем огромные молодцы, потому что в таких делах поведение родителей — это пятьдесят процентов успеха, он говорит, говорит очень обстоятельно и убедительно, как и положено человеку его профессии, и до меня медленно начинает доходить, чем все это могло закончиться сегодня для нас, для Ваньки...

И тут, понятное дело, я опять начинаю рыдать как дура — просто от облегчения.

Глава 2

Утренний пост в фейсбуке запустил воспоминания, и они теперь крутятся в голове, не отключаются — всё, что стараюсь забыть последние несколько лет.

Что я делала в тот вечер? Я не помню. Совсем. Кажется, работала. Редактировала что-то. Перевод? Да, наверное, перевод. Но какой? Ту биографию знаменитого физика, где переводчица на пространстве тридцати авторских листов свалила в одну кучу лампы накаливания и лампы дневного света, и пришлось все это сверять вручную по оригиналу? Или забавный мануал «Как пить и не выглядеть идиотом», очень срочный? А впрочем, какая теперь разница — пытаюсь вспомнить тот текст, я все равно не забуду того, о чем мне напомнили утром, и тогда к чему эти отсрочки; может быть, если прокрутить все заново, от начала и до конца, меня отпустит?

А Ванька... не то чтобы мы не доверяли Ваньке, мы всегда твердили ему: «Ты уже взрослый», и мы его не «пасли»: не звонили каждые полчаса, пытаюсь узнать, где он и с кем, не лезли в ящики его стола во время уборки или в компьютер, не френдили его в соцсетях, чтобы вычислить круг общения, — ничего

такого, но вечерами, если он задерживался, все равно не ложились, а досиживали до того момента, пока в дверях не начинал возиться ключ, а чтобы время не тянулось слишком медленно, работали — что еще делать по вечерам, так-то разобраться?

Звонок прозвенел сначала коротко и робко, и я, наверное, подумала, что Ваньке опять лень искать ключи по своим многочисленным карманам... то есть я не помню, конечно, о чем подумала конкретно, помню только, что открывать сразу не пошла, а поднялась с места лишь тогда, когда звук повторился — настойчивый и протяжный, а потом еще и еще раз. А что делал Андрей? Почему он-то не открыл? Я и этого не помню. Может быть, тоже работал — писал что-нибудь или читал. Или курил на балконе. Наверное, я тогда разозлилась на этот звук: свекровь уже уснула, весь день ее мучило давление, раскалывалась голова, и вот теперь, когда она с таким трудом отключилась, напившись таблеток, этот поросенок трезвонил в дверь, потому что ему лень... Наверное, пока я шла, я думала: «Ну ты у меня получишь!» — или что-то подобное, дело было к двенадцати ночи, и, понятно, кроме Ваньки звонить в дверь было некому, но я зачем-то все равно посмотрела в глазок...

На лестничной площадке, тускло и холодно освещенной (лампами дневного света, а не лампами накаливания, возможно, отметила я про себя, если редактировала тогда книгу про физику), стояли какие-то люди. Их черные силуэты, подсвеченные в спину, а потому безликие, производили нетерпеливое шевеление. К звонку потянулась рука, мужская, на мгновение сделавшись огромной и перекрыв обзор, и в коридоре опять раздался резкий звук.

— Кто там? — спросила я (или не спросила, не успела).

А с той стороны сказали громко и четко:

— Откройте, полиция!

Возможно, тут тоже был какой-нибудь диалог между нами, потому что, если рассуждать логически, ну кто поверит, что

в двенадцать ночи черные силуэты за твоей входной дверью действительно полиция, а не бандиты какие-нибудь... кто поверит, если он нормальный, в смысле если он сам не бандит и вроде нас с Андреем даже дорогу всегда старается переходить по зебре? Возможно, мы некоторое время препирались с теми, кто в тот вечер стоял за дверью, и Андрей (а в какой-то момент, которого я тоже не помню, около меня в прихожей оказался Андрей) сам грозил пришельцам полицией и не торопился открывать. Собственно, я ничего не помню, в смысле никаких подробностей, кроме одной: как я опять смотрю в глазок, а там черные силуэты расступаются и за их спинами я вижу — чувствую, узнаю — Ваньку.

Ванька стоит, опустив голову, челка падает на глаза, и тот, кто держит его за руку повыше локтя, кажется мне огромным, а Ванька, наоборот, крошечным. И тогда мы наконец открываем.

Толпа за дверью мне только померещилась. Их всего трое, и Ванька с ними. Тот, кто стоит ближе к дверям, представляется и протягивает открытое удостоверение. Говорит положенные в подобном случае слова (которых я тоже, понятное дело, сейчас не помню, а тогда хоть и слышала, но смысла их сразу не поняла). Говорит: «Служба наркоконтроля», или «Отдел по борьбе с наркотиками», или что-то другое в этом духе — и прячет карточку в нагрудный карман. А тот, огромный, который держит Ваньку повыше локтя, спрашивает, знаком ли нам гражданин Григорьев Иван Андреевич.

— Да, это наш сын, — отвечает Андрей.

Гражданин Иван Андреевич Григорьев поднимает растерянное лицо и смотрит на отца — скорее недоуменно, чем испуганно. В очках отражается луч от лампы над лифтом. Полоснул и погас.

Нам называют статью, по которой гражданина Ивана Андреевича Григорьева задержали. Я тоже не чувствую испуга, а только холод — грудная клетка парализована холодом от солнечного сплетения и до шеи, и руки поэтому не шевелятся.

— Это ваше? — Огромный делает шаг в сторону, увлекая за собой Ваньку, и за его спиной оказывается велосипед. Он прислонен к стене и упирается задним колесом в дерматиновую дверь соседей напротив; на руле болтается Ванькина кепка.

Самое страшное во всей этой сцене то, что никакая она не зловещая, а совершенно обыденная. Мужчины за дверью ведут себя спокойно и уверенно: не угрожают, не делают резких движений, не повышают голоса, это просто люди на работе, при исполнении, и работа у них вот такая.

Нам сообщают, что Григорьев Иван Андреевич задержан по статье двести двадцать восьмой, часть первая, пункт второй, в ответ на наше невнятное растерянное бормотание, суть которого «не может быть» и «тут какая-то ошибка», вежливо, но бегло объясняют, куда сейчас везут Ваньку и во сколько туда подойти утром для выяснения всех обстоятельств (советуют даже, какие принести вещи для него); Ванька стоит, хлопает близорукими глазами из-под очков; он не пытается возражать и не вырывается, ничего такого, хотя и виноватым тоже не выглядит, а потом его уводят вниз по лестнице, звук шагов гулко разносится по подъезду и затихает. Хлопает железная дверь.

А мы стоим в коридоре и молчим.

Первым немного приходит в себя Андрей. Он берет велосипед за руль и ведет его в квартиру, словно покорного ишачка, вкатывает на привычное место. На руле раскачивается Ванькина кепка. Я начинаю дрожать. То есть «дрожать» — это не совсем правильное слово. Меня просто колотит, зуб не попадает на зуб. Запоздало бросаюсь на балкон и выглядываю во двор, но там уже никого нет, пусто. Стоянка спит, фонари желто светят, кто-то шархается в кустах у подъезда — коты, наверное. Лето, ночь. Жарко. Меня еще сильнее колотит.

На прошлой неделе в школе был выпускной. А ровно три дня назад нашему Ваньке исполнилось восемнадцать.

Глава 3

Ночи с июня на июль самые короткие в году, но та наша ночь тянулась, и тянулась, и тянулась, как будто она вечная. И по-настоящему хорошо я помню не события, а ощущение — когда целую вечность терпишь как бешеный, лишь бы не смотреть на часы, но не выдержишь, смотришь, а там прошло две-три минуты. Так что «время остановилось» — никакая не фигура речи, я это точно знаю.

Я смотрю на часы, Андрей гуглит. Механически листает юр-сайты и Уголовный кодекс, дрожащим шепотом зачитывает вслух какие-то выкладки, и снова, и снова, и очевидно, что прочитанных слов он сейчас не понимает... и я их не понимаю, ни одного, а только слежу за временем, сколько еще осталось до утра, нам было велено прийти к десяти часам, часы подло отсчитывают по две-три минуты и один раз семь минут, когда я иду варить кофе. Андрей выходит на балкон и там стоит, ежась и пуская белый дым за бортик, и дым плывет в стоячем сомкнувшемся воздухе, меняя очертания.

У кофе нет вкуса. Свекровь храпит в своей комнате так сильно, что, кажется, на кухне подпрыгивает посуда; мы пьем кофе, Андрей

курит, гуглит, курит, гуглит, курит, время тянется, за окном не становится светлее, и я все думаю: как же так, ведь лето, летом светает рано; это очень странная, очень медленная и очень холодная ночь.

Еще я помню, как осторожно уговариваю мужа пойти и лечь, произношу слова, верные и логичные, про то, что мы завтра должны быть вменяемые и со свежими силами, иначе ничем не сможем помочь Ваньке, и вроде бы Андрей соглашается, кивает, но не выпускает из рук компьютерную мышь. Мы так и ложимся с ноутбуком, и он стоит между нами, с этой своей зловещей подсветкой, а мы лежим на спине и держимся за руки, развернув перед собой какой-то форум, и там, на форуме, тонны сообщений о том, кого и как взяли, я не могу это читать, мне страшно: эти истории, они плохо заканчиваются, все как одна.

За окном стоит и не уходит чернота, будто она тут насовсем, рука у Андрея холодная и твердая, как из воска, я пожимаю ее, но он едва отвечает на пожатие, а только крутит беспроводной мышь шарик, водит стрелкой по экрану, клик-клик, клик-клик, и по экрану плывут вопросы, все эти «что мне светит?» и «нужен ли адвокат?», и кто-то пишет — мол, ерунда, оштрафуют по первому разу и отпустят (и тогда мы с Андреем оба выдыхаем с облегчением), а кто-то сразу называет сроки — три, пять, шесть, двенадцать лет (и тогда мы жмемся друг к дружке — а что еще делать-то?), но собрать информацию, структурировать и уж тем более делать выводы не способны ни он, ни я.

Что дальше — не помню. Спали мы в итоге или нет? Не помню. Наверное, вырубались ненадолго урывками или, может, уснули на какое-то время уже под утро, в памяти по этой части полный провал, а следующее, что я помню отчетливо, — как мы с мужем сидим на трубе загородки напротив отделения полиции и напряженно смотрим на вход.

У входа ничего такого не происходит, только иногда вываливается на перекур дюжий дядька и тычет пальцами в плоский

телефончик, который кажется в его лапах игрушечным. Это на крыльце. А есть еще парень в будке у ворот, дежурный. Он дремлет, уронив голову на руки. Андрей уже подходил к нему, чтобы уточнить, куда нам, и вообще, но ему объяснили: слишком рано, сидите и ждите. И мы сидим.

Начало восьмого.

У нас за спиной — жилой дом. То и дело хлопают металлические двери подъездов. Будни, и люди спешат на работу. Звуки за спиной состоят из цоканья каблучков и шарканья дворничьей метлы, заводятся чьи-то автомобили, лают собаки, которых ведут на прогулку, истошно орет маленькая девочка, не желающая идти в детский сад, — и вдруг резкий пронзительный крик за спиной: «Мам! Ма-ам!» Абсолютно точно Ванькин!

Подскакиваем, едва не навернувшись через трубу, лезем на газон, пролетаем несколько метров по направлению к дому. Андрей резко тормозит, и я налетаю ему на спину. Это не Ванька. Конечно нет. Пацан лет тринадцати кричит под окнами, и откуда-то сверху ему сбрасывают футбольный мяч... мяч бьется об асфальт и подлетает опять выше деревьев, пацан не успевает его поймать, сверху слышится растерянное и звонкое женское «О Господи!». Мяч летит по дуге и опускается куда-то в машины, ударяется о крышу и снова отлетает. Истошно орет сигнализация. Мальчик, примериваясь к траектории злополучного мяча, пятится и суетится, кричит: «Ну ма! Ну ты совсем!» Наверное, ему что-то отвечают, но не слышно: сигнализация орет. Мальчик бежит. Он бежит, отступаясь, по газону в нашу сторону, с задранной головой, пытаюсь отследить мяч, сигнализация орет, смешная сценка, в другой раз мы бы с Андреем обязательно посмеялись. Обязательно. Задетая машина издает последний вскрик, закругляя фразу, и становится тихо. «Прости! — кричит женщина из окна. — Я не нарочно! Позвони!» — и дальше захлопывается рама, а мальчик и его мяч наконец-то воссоединяются и уходят за угол.

Я обнимаю Андрея, а он меня, и мы так стоим посреди газона в чужом дворе, между жилым домом и отделением полиции, стоим, кажется, целую вечность, но, наверное, если посмотреть на часы, там опять проходит две-три минуты.

А потом Андрей курит. Снова. Все то утро — в дыму. Дым, солнце и холодная твердая труба, на которой неудобно сидеть. По-хорошему, нам бы пойти домой и переждать там хотя бы до половины десятого, а потом вернуться, тут идти-то всего квартал, но мы не можем. Мне кажется, если мы отсюда уйдем, с Ванькой случится что-то плохое... то есть с ним и так плохое, оно уже случилось, но я уверена, что если двинусь с места, то все сделается еще хуже, и я не уйду. А что думает Андрей, я не знаю, не спрашиваю. Но и он сидит рядом на трубе как приклеенный.

Гадаю, за каким окном может быть сейчас Ванька. И за окном ли? Воображение услужливо рисует одиночную камеру из американского блокбастера, холодную и неприютную. Следом приходят дежурные «мамские» мысли: «А он поспал? А он поел? Наверное, он там голодный!» И дальше начинается лихорадочная деятельность. Оставив Андрея курить на трубе, бегу в ближайший супермаркет — не иду, а именно бегу, хотя отчетливо понимаю, что торопиться мне некуда, а даже наоборот. С полдороги соображаю, что оставила сумку с деньгами и документами дома и сейчас бегу с пустыми руками, потому возвращаюсь, так же бегом, к мужу, беру у него деньги и несусь назад: сердце прыгает, дыхание прыгает, надо успеть... только бы успеть! О господи, куда?! Еще два часа! С хвостиком!

Остановиться, однако, невозможно. И назад я прихожу уже через пятнадцать минут. Я несусь в большом белом пакете булочки, нарезку и коробку миндальных пирожных. И пакет молока. И минералку. И шоколадку с орехами. И черешни в пластиковом контейнере. Все как Ванька любит.

Андрей смотрит как-то странно.

— Что? Ну что?!

— Леночка... Как, по-твоему, он будет есть черешню? — спрашивает он вкрадчиво. — Где он ее помоеет, Леночка, он же... в мили... Он в полиции, — произносит последнее слово и осекается.

Он в полиции. Да! Мой Ванька! В полиции!

Зло откручиваю пробку — потревоженная минералка бьет во все стороны, брызги летят на юбку, на туфли, ну и ладно! — я откручиваю пробку, срываю с черешневого контейнера полиэтилен и начинаю поливать ягоды минералкой, вода пенится, и шипит, и выливается сквозь дырочки в доннышке. Андрей поднимается с трубы, подходит и обнимает меня, крепко-крепко. Говорит в самое ухо, негромко, но очень твердо: «Все. Будет. Хорошо».

Я держу черешню на вытянутой руке, минералка капает из мокрой коробки...

Дальше опять провал в памяти, и я нахожу себя уже в отделении, на последнем этаже. Он второй или третий? Не помню, маленькое такое здание во дворах, за металлическим высоким забором, похожее на детский садик, куда Ваньку водили в детстве, но идти и выяснять про этажи теперь охоты нет. Глупо, наверное, но я который год стараюсь не ходить в тот квартал... Мы стоим на верхнем этаже, стены нежно-голубые и залиты светом, металлические перила, высокое окно... я смотрю через перила вниз и вижу: ведут Ваньку. Он шагает между двумя молоденькими... язык не поворачивается назвать их полицейскими, но да, между двумя полицейскими, голова опущена, на затылке топорщится светлый ежик. Сердце начинает колотиться как ненормальное, и кажется, что оно везде, руки не слушаются. Ванька поднимает голову и видит нас с Андреем на площадке, щурится, чтобы убедиться. Он без очков. Господи, почему он без очков? Куда их-то он дел? У него же минус восемь, без очков он чистый крот, удивительно, что идет и не спотыкается. Ванька узнает нас, виновато вжимает голову в плечи и отводит взгляд, подтягивает штаны. А они сползают; то-то он шагает как-то странно, а это

просто у него забрали ремень (я откуда-то вспоминаю, что в полиции обязательно забирают ремень — зачем?!), а Ванька, он же худенький, худенький и длинный, отца на полголовы перерос, с него же все съезжает, все на нем висит мешком, а если в размер, то все тогда короткое — брючины, рукава... Его проводят мимо, он поддерживает штаны, а мы стоим с Андреем как примороженные, даже не здороваемся с сыном, идиоты, даже не делаем шага навстречу, просто стоим и смотрим, как наш Ванька, ведóмый двумя маленькими полицейскими, уходит от нас по коридору и скрывается за дверью.

Потом я помню дверь. Дверь — и голоса за ней. Помню, как мне мерещится, будто Ванька рассказывает про себя всякие ужасы — что да, торгует, да, употребляет, — все это складывается в голове из смутного бубнения в приоткрытом кабинете; в коридоре полумрак, по стенам какие-то плакаты, доски какие-то и бумажки на досках, лампы по какой-то причине не горят, и толком ничего не видно, лишь резкую полоску солнечного света, которая выбивается из кабинета, где допрашивают Ваньку. Андрей берет меня за плечи, крепко сжимает, и я понимаю, что до этого меня трясло. Трясло, и вот теперь перестало.

Дальше мы у следователя. Опять голубые стены, стулья, стол, бумажки на столе. Следователь — женщина, нашего примерно возраста; воспоминание включается на фразе «...ну а что вы хотите, на той неделе учителя физики взяли с поличным, в...», и она называет школу, номер не помню, но точно не Ванькину. Я озираюсь. Ваньки в кабинете уже нет. (Увели?) Я сижу на краешке стула и чувствую, что коленкам неприятно, перевожу взгляд со следователя себе на ноги. Черешня! Злополучная коробка стоит у меня на коленях, и на юбке расплывается мокрое холодное пятно.

— Так что скажете? — напоминает следователь. — Ничего подозрительного не замечали в последнее время? Может быть, деньги вдруг появились у вашего мальчика?

— Нет-нет-нет, — твердим мы хором. Потому что правда нет, не было у него никаких случайных денег, сколько по утрам давали карманных, столько он за день и тратил.

— Ну а, может, люди какие-то подозрительные? — продолжает следователь.

Мы пожимаем плечами, переглядываемся — тоже вроде нет, да кто ж теперь поручится, мы же и не следили никогда...

— Ну а сам он? — спрашивает следователь.

— Сам? Что сам?

— Что-то странное в поведении? Зрочки, может, расширенные? Или возбуждение чрезмерное?

И что ей ответить? У него близорукость, очень сильная, минус восемь, они у него всегда расширенные, с детского сада еще... и что мы можем сказать о «чрезмерном возбуждении», если человек вот только что сдал ЕГЭ и отгулял выпускной?.. Господи... а я-то переживала, что у него по математике всего восемьдесят два балла... Дура, дура!!!

— Ну ладно, — говорит следователь. — Заберите вещи.

Нам выдают вещи: ремень, шнурки и очки, ключи от дома.

— А как же?! — Я держу очки в руке, не зная, что теперь с ними делать.

— Вы понимаете, — говорит Андрей тихо и очень вежливо (верный признак, что он сейчас в ярости), — у мальчика близорукость, он без очков не может.

— Не положено, — чеканит следователь. Без злости и раздражения — почему-то я это сразу чувствую, а Андрей — нет, и он начинает спорить.

Градус разговора стремительно повышается, я протягиваю руку и кладу мужу на колено:

— Андрей. Не надо. Перестань.

— А если он этими очками вены себе?! — раздражается следователь. — Думаете, это что, просто так вам правила?! Ради вашего же блага!

— Это как же?! — говорит Андрей запальчиво.

— А вот так! Стекло вынет, побьет и... или вон дужку наточит!

Я думаю, что «наточит дужку» — это вовсе бред, как в дурном тексте, но предпочитаю молчать. Это ощущается на уровне инстинкта — следователя раздражать не надо, можно навредить Ваньке.

Потом опять провал. Ванька сидит на первом этаже, в обезьяннике. Это темная гулкая клетка примерно три на четыре, с узкими деревянными лавочками по стенам. Ванька поближе к свету, ест булочки и нарезку. В углу уютится какой-то тощий гастарбайтер неопределенного возраста, нахохлился и зыркает на жующего Ваньку. А мы стоим у решетки и тоже смотрим, как ребенок ест.

— Иван, ну что же это такое, — говорит Андрей. — Ты же тут не один, предложи человеку.

Провал. Ванька и гастарбайтер жуют уже вместе. Молодой тоже пацан оказался, когда из тени вышел, может быть, даже Ваньки помладше. Булочки, пирожные, молоко — все это очень быстро кончается.

Черешню не разрешили, и я до сих пор держу злополучную коробку, не зная, куда ее деть. Пыталась объяснить дежурному, что она мытая, а он так странно посмотрел и спрашивает: «А говнище после нее потом куда?» Говнище — это он про косточки, а не чтобы обидеть. В обезьяннике нет мусорного ведра, и не на пол же косточки плевать, а пакет тоже отобрали, разрешили только продукты.

Илья Валерьевич появляется непонятно в какой момент, точно он волшебным образом соткался из воздуха. Мы уже не в полиции, а стоим во дворике за забором, вокруг скамейки, но почему-то на нее не садимся. У Ильи Валерьевича толстый, благородно потертый портфельчик и немного зловещий вид, он похож на пирата. Это бесплатный адвокат. Так положено при каждом задержании. Он объясняет, что будет работать с нами до избрания меры пресечения и суд по этому поводу состоится уже в понедельник,

а там — как мы сами захотим. Мы только киваем, как китайские болванчики, «захотеть» — это слишком для нас сложное понятие... удивительное дело, но, оказывается, какой бы ты ни был по жизни бравый и логичный, когда что-то подобное происходит с твоим ребенком, сразу становишься дурак дураком и руки опускаются, ничего не способен делать, а только идешь куда скажут... интересно, это у всех так?

Илья Валерьевич задает нам про Ваньку всякие разные вопросы, делово кивает, иногда переспрашивает. Когда доходит до «только что окончил школу» и «три дня назад восемнадцать», хмурится и бормочет:

— Скверно... Вот это не повезло вам. Надо же, как скверно...

— Что скверно? — Мы с Андреем пугаемся еще сильнее, хотя, казалось бы, куда больше-то?

Скверно, что сейчас наш Ванька формально безработный. Нигде не работающий и не обучающийся подозрительный совершеннолетний гражданин, пойманный на торговле наркотиками. Отсутствие работы или учебы — однозначноотягчающее обстоятельство.

— Но как же?! — кипятимся мы. — Он же школу, вот только что... выпускной... в институт подавать через две недели...

Однако вся эта лирика в суде никого не волнует, по словам Ильи Валерьевича. Факт остается фактом. Не учится. Не работает. Пойман с поличным. И совершеннолетний, то есть полная ответственность.

Я не плачу. Просто стою и трясусь, хотя на улице жара глухо за тридцать.

Потом опять провал. Я уже откуда-то взяла чистую пару носков и сую их Ваньке через решетку. Он забирает, начинает переобуваться. Кроссовки без шнурков, с вываленными наружу языками, смотрятся по-сиротски. А я наблюдаю за сыном и с ужасом понимаю, что он — не боится. Первый шок прошел, и теперь — это

прямо видно по глазам — все происходящее этот поросенок воспринимает как *приключение*. Хочется взять что-нибудь, веник какой-нибудь или, я не знаю, мухобойку, и бить, бить этого идиота по заднице, по лбу — чтобы понял... Ванька скатывает грязные носки в комочек и стыдливо сует через решетку мне. Гастарбайтера уже нет, Ванька в обезьяннике один. И на скамейке опять еда — значит, мы принесли ему обед. Интересно, почему черешню нельзя, а бананы — можно, от них же кожура, и выкинуть тоже некуда?

А на улице Илья Валерьевич, которого, видимо, уже пустили поговорить с Ванькой, наконец-то объясняет нам вкратце, что произошло.

Ваньку подставили. Типичное дело. Приятель позвонил, попросил купить дозу, точнее, несколько доз, у другого приятеля. «Ты расплатись, я сразу отдам». Ну вот, Ванька купил, расплатился и понес. И даже (господи, ну как, ну зачем?!) еще у другого друга денег для этого занял до завтра, своих-то у него столько не было. Договорились встретиться прямо у нас в подъезде. А в подъезде Ваньку уже ждали...

Но как такое возможно? — не понимаем мы. А просто, объясняет Илья Валерьевич. Этот приятель, который наркоман, — на него Ваньку ловили, как на живца, распространенный метод. Чтобы его самого не закрыли, он и привел в подъезд наркоконтроль. Чтобы самого-то не закрыли, надо обязательного кого-нибудь сдать вместо себя, понимаете? Вот... а тут Ванька.

Ничего мы не понимаем, кроме одного. Никакая это не ошибка. Ванька нес наркотики. И, формально, действительно их продал там, в подъезде. То есть передал человеку, и тот в ответ дал ему купюру в пять тысяч рублей, разумеется, меченую.

— В особо крупных размерах, — добивает нас Илья Валерьевич.
— Как?! Как в особо крупных?!

И опять все просто. Это был гашиш. А он же легкий, маленький. Ну что там этот кулечек на взгляд непосвященного молодого

идиота... все это, вещества в смысле, оно же считается на граммы, и особо крупный размер — это не килограмм и не тонна, не мешок и не брикет, а такой же крошечный кулечек... и вообще, перекреститесь, мамочка, что это был не героин...

Крещусь ли я? Не исключено, что крещусь.

А потом опять провал, дело к закату, солнце оранжевое, тени длинные... Ваньку выводят с крыльца, а мы с Андреем топчемся у ворот (Илья Валерьевич уже не с нами, пропал куда-то). Ванька идет, опустив голову, в сползающих штанах, хлюпая расхлябанными кроссовками, без очков, подсвеченный оранжевым солнцем, за ним тянется длинная-длинная тень... он идет, держит руки на животе, и я начинаю беспокоиться, не болит ли у него живот — шутка ли, целый день всухомятку, на пирожных и бутербродах, но, когда он поворачивается, чтобы лезть в полицейский «бобик», и протягивает обе руки, стараясь схватиться за ручку и взобраться в машину, на запястья его попадает и яростно отражается солнечный луч, и я понимаю, что мой сын — в наручниках.

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ОН БУДЕТ ЕСТЬ ЧЕРЕШНЮ?

Повесть 3

БЕЗ ТРУБ И БАРАБАНОВ

Роман 81

Часть 1. Немного мела и чернил..... 83

Часть 2. Пани Вранкова 155

Часть 3. Город мечты 231

Часть 4. Скандинавская ходьба..... 305

Литературно-художественное издание

Виктория Лебедева

КАК ОН БУДЕТ ЕСТЬ ЧЕРЕШНЮ?

Сборник

Выпускающий редактор Б. Геласимов
Редакторы А. Андреев, А. Воздвиженская
Корректор А. Калинин
Компьютерная верстка Е. Климентьева
Художник А. Геласимова

Подписано в печать 21.07.2020. Формат 60×90/16
Печ. л. 24. Гарнитура «Alegreya».
Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru
тел.: +7 (985) 8000 366

Виктория Лебедева родилась в 1973 году в поселке Купавна Московской области. Окончила МИРЭА и Литературный институт им. А. М. Горького. Автор нескольких книг для взрослых и детей. Лауреат премии Союза писателей Москвы «Венец» (2003). Дипломант премии «Рукопись года» за сборник «В ролях» (2012, Редакция Елены Шубиной). Лауреат

Международного конкурса им. Сергея Михалкова на лучшее литературное произведение для подростков за повесть «Слушай птиц» (2018). Публиковалась в «толстых» литературных журналах. В настоящее время работает редактором в издательстве «Детская литература». Журнальная версия романа «Без труб и барабанов» в 2017 году вошла в длинный список национальной литературной премии «Большая книга».

Что чувствуют родители, когда их детям грозит суд? Что чувствуют дети, когда родители уходят? Почему вдруг возникает ненависть между любящими сестрами и сколько лет требуется для примирения? И самый важный вопрос — возможно ли простому человеку прожить вне политики и госструктуры и сохранить внутреннюю свободу? Обязательно ли для этого менять страну?

На эти и другие вопросы автор пытается ответить хотя бы себе в повести «Как он будет есть черешню?» и романе «Без труб и барабанов».

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-90-9

9 785907 085909

